

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

10.7256/1999-2793.2013.02.1

ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОСТИЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Философское постижение человека имеет значительную предысторию. Проблема человека возникла в философии не сразу, но это вовсе не означает, будто философский вопрос о сущности и смысле человеческого бытия поставлен лишь в наше время. С течением времени менялось лишь представление о человеке, его образ. В разные эпохи философское понимание человека не оставалось неизменным. В античную эпоху, например, человек видел себя частью существующего порядка, которым в основном определялось его бытие. При этом элементы вечного, космического, объективной цели, всеобщей нормы преобладали над элементами субъективно-волюнтаристского, исторически преходящего.*

Ключевые слова: философия, макрокосм, микрокосм, человек, гностический человек, христианство, космос, античность, антропологический вопрос, разум.

Философская антропология (от греч. *anthropos* — человек и *logos* — учение, слово) — раздел философии, в котором изучается человек как особый род существа, осмысливаются проблемы человеческой природы и человеческого бытия, целостности человека, анализируются модусы человеческого существования, выявляется потенциал антропоцентрической картины мира, анализируется отношение человека к природе, обществу и самому себе.

Понятие «философская антропология» употребляется в трех различных смыслах, которые, однако, близки по смыслу и содержат в себе своеобразный круг подходов и проблем. Их общее содержание — философская антропология направлена на постижение феномена человека, это самостоятельная сфера философского знания.

Как самостоятельная отрасль философского знания возникла в XVIII в. Однако размышление о человеке вовсе не является привилегией этого столетия. Философское постижение человека имеет значительную предысторию.

Соотношения микро- и макрокосмоса были сформулированы различными способами в восточных цивилизациях. Арабы считали, что существует связь между луной, серебром и человеческим мозгом. Доафинские греки были достаточно равнодушны к этим связям. Для китайцев отдельные элементы этой единой системы не имели значения.

Ценным было только целое¹. В древней классике, таким образом, человеческая история связана с космической. Для нее человек был связан с космосом².

Одна из древнейших интуиций — истолкование человека как своеобразного ключа к разгадке тайн универсума. Эта идея получила отражение в восточной и западной мифологии, в античной философии. На ранних ступенях развития человек не отделял себя от остальной природы. Он ощущал свою генетическую, неразрывную связь со всем органическим миром, о чем свидетельствует, в частности, буддизм. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней слиты. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам. Это находит свое выражение в антропоморфизме, т.е. в бессознательном восприятии космоса и божества как живых существ, подобных самому человеку. Представление о человеке как малом мире (микрокосмос), находящемся в большом мире (макрокосмос) — одна из древнейших натурфилософских концепций. Об этом свидетельствует космогоническая мифология «вселенского человека» (индийский Пуруша в Ведах, скандинавский Имир в «Эдде», китайский Пань-Гу).

¹ Гране Марсель. Китайская мысль. М., 2004.

² Конфуций. Я верю в древность. М., 1995.

На этом этапе антропология могла быть лишь некоторым аспектом всеобщей концепции природы и космоса и не имела собственных специфических задач. Хотя в сократовском «Узнай себя!»³ и в тезисе Протагора, гласящем, что человек является мерой всех вещей, уже проявился интерес к человеческой сущности, однако эти попытки раскрытия антропологической темы не привели еще к образованию в философии отдельной сферы знаний о человеке.

Поворотным моментом в этом отношении явилось христианство. Догма о превращении Бога в человека выделяет человека из всего мироздания и ставит его на особое, исключительное место. Человек рассматривается уже не как родовое существо, а как индивидуальное историческое лицо, которое общается с очеловеченным Богом. Подобно тому, как весь мир возник в результате свободного творчества Бога, так и человек в его относительной свободе и независимости поднялся над остальной природой. Христианство явилось почвой, на которой возросла европейская персоналистическая традиция. Человек внутри этой традиции оценивается как суперценность. Созданный по образу и подобию божьему, человек обладает свободой, находится перед выбором между индивидуализмом и универсализмом.

Однако, по справедливому замечанию М. Бубера, греческая модель мира, как замкнутой в себе сфере, нашла завершение в геоцентрической системе Аристотеля. Человек отныне вещь среди других вещей этого мира, некий объективно познаваемый вид живых существ наряду с другими видами, уже не гость на чужбине, а обитатель особого уголка мироздания, хоть и не в верхнем его ярусе, но и не в нижнем, а скорее всего в среднем, вполне сносно... Человек у Аристотеля всегда говорит о себе в третьем лице⁴.

У гностического человека — нет и своего неизменного места в космосе. Имея душу и тело, он принадлежит обоим царствам, будучи одновременно и полем битвы, и главным ее трофеем. В каждом человеке проглядывает падший первочеловек, и проблема бытия решаются в нем сообразно его жизни.

Для философии средних веков характерно стремление к синтезу основных элементов античности и христианства. Хотя человеку как свободно-му существу, наделенному душой, в царстве бытия

отводилось главенствующее место, в то же время признавалось, что он подвластен объективным всеобщим законам. Философия средних веков балансировала между идеей общего порядка (которая представляла одну из ее основ) и идеей индивидуальной неповторимости человека.

Это явление нашло свое выражение прежде всего в противоречии между томистским и францисканско-августинским направлениями, причем в последний момент всеобщего порядка отступает на задний план по сравнению с живой свободной волей человеческого индивида, что, таким образом, сближает это направление — в его наиболее радикальных формах — с номинализмом. Главная антропологическая тема вырисовывается в средневековье вполне определенно, но здесь нет еще научных основ антропологии, ни личной заинтересованности в решении вопроса о человеке.

Возрожденческий идеал человека сопряжен с поиском своеобразия, самобытности человека. Так рождается проблема индивида, индивидуальности. Возрожденческий индивидуализм порождает стихийное самоутверждение человека. В европейском сознании возникает идея гуманизма, которая прославляет человека как высшую ценность. Трагизм и негарантированность человеческого существования обозначается затем в формуле провозвестника новой постренессансной эпохи Паскаля: «Человек — мыслящий тростник». Паскаль говорит о человеческой бренности, о вселенском страхе человека.

В Новое время, с наступлением Ренессанса и Реформации, поднимается протест против ограничений и стеснений неповторимо индивидуального в человеке общепринятыми порядками и нормами. На этом этапе индивидуальная человеческая личность осознает свои творческие силы, гордится своей независимостью. И в отношениях к абсолютам человек не хочет быть ограничен институтами и догмами. С персонифицированным Богом он обращается теперь как индивидуальная личность, которую нельзя спутать ни с какой другой.

Осознание независимости и творческой силы человека ведет к принципиально иной точке зрения. Если в эпоху Средневековья общепринятый порядок и историческая неповторимость личности выступали как две противоречивые тенденции, то теперь делается попытка конструирования общего порядка, исходя из интересов личности. При этом в результате того, что индивидуализм и номинализм Нового времени отменяют заранее данные

³ Библихин В.В. Узнай себя. СПб., 1994.

⁴ Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 165.

законы, принципы и нормы и оставляют лишь множественность индивидуальностей, возникает опасность полного релятивизма. Преодоление этой опасности представляется возможным лишь через конституцию самого субъекта, который в своей свободной деятельности отбрасывает существующий порядок, принципы, нормы.

Острейшее самосознание одинокой личности сменяется в эпоху Просвещения либерально-просветительскими представлениями о неисчерпаемых возможностях независимой и разумной личности. Культ автономного человека — развитие персоналистической линии европейского сознания. В XVIII в. началось разностороннее изучение человека. Работа К. Гельвеция «О человеке» может рассматриваться как специальное антропологическое сочинение. Он пытался создать «науку о нравственности», которая базировалась бы на физической основе человеческой психики. В эпоху Просвещения человеческие существа рассматривались как разумные животные, в то время как доктрина «просвещенного эгоизма» доминировала в интерпретации истории.

С XVII по XIX вв. человеческие существа рассматривались как разумные животные, в то время как доктрина «просвещенного эгоизма» доминировала в интерпретации истории. Но когда были высказаны сомнения в разумной природе человека к концу XIX в., основное внимание стало придаваться человеческим эмоциям и основным инстинктам. «Растрата человеческих сил не может не сопровождаться истощением, которое в конце концов должно привести к потере центра человеческой личности... Такая человеческая личность должна постепенно перестать сознавать себя, свою самость, свою особость... Решительно во всем чувствуется потрясение человеческого образа, разложение той человеческой личности, которая выковывалась в христианстве и выковывание которой было задачей европейской культуры»⁵.

По мнению Н.А. Бердяева, утверждение человеческой индивидуальности предполагает универсализм. Повторяется, по его словам, та парадоксальная истина, что человек себя приобретает и себя утверждает, если он подчиняется высшему сверхчеловеческому началу и находит сверхчеловеческую святину как содержание своей жизни, и, наоборот, человек себя теряет, если он себя освобождает от высшего сверхчеловеческого

содержания и ничего в себе не находит, кроме своего замкнутого человеческого мира.

XIX в. дал большой и разносторонний материал для развития человековедения. Философы жизни поставили в центр собственных метафизических размышлений живое чувствующее создание. Эта же установка питала попытки младогегельянца Л. Фейербаха: утвердить человека во всей полноте его материального, чувственного и духовного, рационально-нравственного бытия. Антропологический принцип стал исходным пунктом и основой философии Л. Фейербаха, хотя он рассматривал человека лишь как природное существо. Развитие человека связано также с рождением антропологии как науки о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека.

В качестве самостоятельной науки антропология сформировалась к середине XIX в. Тогда же сложились основные ее разделы: морфология человека, учение об антропогенезе, расоведение. Антропология рассматривала человека как общественное существо. К числу неизменных проблем науки можно отнести изучение исторических событий, которые создали современные условия, и источников различных форм общественной жизни, процессов появления рас, языков и культур, отношений между человеком и обществом. Внутри антропологии постепенно выделились различные группы вопросов — биологические, психологические, культурные. Окончательно наука оформилась в последней четверти XIX в. и связывалась с задачей полного постижения человека. Здесь объединились собственно антропология, или естественная история человека (включая его эмбриологию, биологию, психофизиологию и анатомию); палеоэтнология, или предьстория, — происхождение человека и его первобытность; этнология — распространение человека на Земле, изучение его поведения и обычаев; социология — отношения людей между собой; лингвистика — образование языков, их связи, легенды, мифы, фольклор; мифология — возникновение, история и взаимодействие религий; медицинская география — воздействие на человека климата и атмосферных явлений, географическая и этнографическая патология; демография — различные статистические данные о человеке.

⁵ Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. 1990. № 1. С. 214.